

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОТРИЦАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Голованова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Одним из ключевых моментов настоящей работы является экскурс в историю развития категории отрицания в лингвистике, входящей в ряд фундаментальных категорий языка, а именно представлена смена парадигм понимания отрицания – от структурного подхода к когнитивному. Автором рассматриваются такие направления, как структурализм, прагматическая концепция в лингвистике и когнитивный подход, а также особенности функционирования и проявления данной категории в фокусе указанных направлений. Из них особое внимание уделяется когнитивному подходу как одному из наиболее приоритетных в современной лингвистике. Рассмотрение категории отрицания в когнитивном фокусе позволило провести анализ функций отрицания в дипломатическом тексте (некоторые из них представлены в статье) и ее обусловленную внешними факторами релятивность. В силу своей универсальности категория отрицания находит свое отражение в различных дискурсах. Но наибольший интерес она представляет в рамках дипломатического дискурса из-за его малой изученности и специфики. В статье приведены параметры и анализ дипломатического дискурса в когнитивном ракурсе: автор представляет анализ устного дипломатического текста, в котором выявляет взаимообусловленность семантической и формальной сторон отрицания, а также обусловленность его содержательной стороны оппозицией «свой – чужой».

Ключевые слова: категория отрицания, модусная категория, дипломатический текст, эксплицитное/имплицитное отрицание, мигитативная тактика.

Интерес к категории отрицания в лингвистике возник давно и не угасает по сей день. На смену традиционному подходу к изучению этой категории пришел когнитивный подход, что не просто послужило основанием для рассмотрения категории отрицания в новом ракурсе, но также позволяет углублять исследование в данном направлении и открывать новые грани изучаемого явления. Изначально категория отрицания в лингвистике изучалась в рамках структурализма и была освещена в трудах К.Л. Пайка, З. Харриса, Н. Хомского, а также в работах отечественных исследователей – О.С. Ахмановой, М.Я. Блоха и др. В данном направлении отрицание рассматривается как грамматическая категория, имеющая выражение на уровне предложения, но такое понимание сущности отрицания быстро уступает другому взгляду, согласно которому оно является семантической категорией (А.Т. Амиров, Н.С. Горкина, Г.Н. Макарова). В ранних работах Ш. Балли и А.М. Пешковского отрицание впервые выводится на уровень высказывания. В своих трудах Ш. Балли был первым, кто рассматривал функционирование отрицательных высказываний в дискурсе. Обращая внимание на то, что посредством отрицания говорящим отвергается как ложное предшествующее утвердительное предложение (которое в большинстве случаев принадлежит собеседнику, а не говорящему), ученый приходит к выводу, что отрицание имеет непосредственное отношение к порождению диалогической связной речи и к семантической модификации предикатных слов. Эта идея развивается в работах Е.В. Падучевой, где автор опирается на категориально-семантический статус отрицания.

Существенный вклад в изучение отрицания привнесла прагматическая концепция. В ней отрицание рассматривается не как чисто грамматическая категория, но как сложная коммуникативная операция, с помощью которой говорящий сообщает адресату свое отношение к определенному факту. Отрицание выступает как некий глубинный индикатор коммуникативного потенциала с канонической инструкцией отклонения или коррекции мнения адресата о положении дел [15, с. 181–182].

Принимая тот факт, что функционирование отрицания коммуникативно обусловлено (что следует из определения), целесообразно привести в настоящей работе идеи Т. Гивона и Дж. Лича, связанные с вопросами информативности отрицательных структур. Замечено, что для сообщения информации в большинстве случаев адресант предпочтет утвердительную структуру предложения, так как положительное высказывание требует меньше усилий и времени для понимания, поскольку само по себе несет некую информацию (то есть обладает определенной долей информативности) и не требует от получателя специальных усилий для интерпретации и правильного понимания. В то же время Дж. Лич отмечает, что

количество отрицаемых фактов гораздо больше, чем положительных, что может быть объяснено малоинформативностью отрицательных структур [14, с. 101].

Вопросами информативности отрицания также занимался и Т. Гивон, используя понятия «фигура» (figure) и «фон» (ground), которые успешно были им заимствованы из когнитивной психологии. К фону автор относит отсутствие перемен, непрерывность и инертность, то есть все множество знаний и сведений в виде возможного опыта. На фоне этого множества могут выделяться некоторые события, которые нарушают инертность и представляют фигуры. Отрицание, согласно автору, является маркированным членом оппозиции утверждение/отрицание и соответственно выступает как фигура, поскольку маркированные члены оппозиции отличает более редкое употребление [12, с.139]. Автор трактует отрицание как «игру слов». Отрицание, пишет Т. Гивон, используется в тех случаях, когда события (а не инертность) используются как фон, что приводит к тому, что не-событие (non-event) становится выделенным и информативным [13, 64]. Данная мысль является объяснением релевантности/нерелевантности частотного употребления отрицания в том или ином тексте, тип которого определяется условиями протекающей коммуникации.

Действительно, особенности употребления отрицания, а также интерпретации отрицательных высказываний зависят прежде всего от условий коммуникации и, как следствие, от создаваемого в данных условиях типа текста. Для понимания такой обусловленности употребления отрицательных конструкций следует обратиться к представлению отрицания в когнитивном ракурсе.

Категория отрицания относится к ряду модальных категорий, наравне с которыми выступают категории модальности, оценочности, эмотивности, эвиденциальности и приблизительности. Все перечисленные категории объединяет ряд особенностей, главной из которых является функциональный характер их концептуальной основы. Из этой характеристики следуют другие взаимосвязанные особенности: внутриязыковая природа, вторичный статус и инферентность. Подробнее об указанных особенностях см.: Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модальная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.: Институт языка РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 45–59.

Постоянно взаимодействуя с действительностью, модальные категории обладают способностью видоизменяться и приобретать новые значения и формы [5, с. 91]. Данная характеристика непосредственно обусловлена вторичным статусом категорий, который и определяет их содержательную релятивность. Для иллюстрации данной особенности можно привести пример оценочных выражений типа «голова без мозгов» («плохо»), «рыба без костей» («хорошо»), «ехать

без остановок» («быстро», что может быть расценено как «хорошо», так и «плохо» в зависимости от ситуации), которые будут оцениваться по разным критериям [1, с. 48–49]. Из этого следует, что одни и те же формальные показатели отрицания могут иметь разное значение и прагматическую нагрузку в различных ситуациях, обусловленных теми или иными факторами коммуникации.

Поскольку целью настоящей работы является анализ того, как семантически «ведет себя» категория отрицания в дипломатическом тексте и то, влияет ли семантика отрицания на эксплицитность/имплицитность отрицания, целесообразно рассмотреть особенности данного типа текста, которые могут повлиять на содержательную сторону выражения отрицания.

В системе функциональных стилей дипломатический текст относится к дипломатическому подстилю, который входит в систему официально-делового стиля. Последний призван обслуживать сферу официально-деловых отношений, и целью его является обеспечение правовой регламентации общественных отношений, что обуславливает языковую специфику всех входящих в него подстилей, и в частности дипломатического. К наиболее общим чертам относят объективность информации, а также точность, ясность и конвенциональность. Язык делового общения – неэмоционален и стремится к нейтральности. Однако, несмотря на то что дипломатический подстиль в целом подчиняется канонам официально-делового стиля, все же существует ряд отклонений. В частности, это касается точности и объективности информации.

В дипломатическом подстиле зачастую возникают ситуации, в которых одно необдуманное слово может привести к конфликту, что особенно касается отрицательных конструкций. Не секрет, что дипломатия начинается там, где существует разногласие: довольно часто в ходе переговоров дипломат вынужден выразить свое несогласие с позицией собеседника, отклонить его предложение и пр. В подобных случаях с целью избежания конфликта дипломаты прибегают к некоторым коммуникативным стратегиям, таким, как стратегии двусмысленности, неопределенности и эвфемизации. Названные стратегии позволяют избежать нежелательных результатов и, таким образом, выполняют регулирующую функцию [4, с. 140–162].

Создание устного текста отличает спонтанность речи и ограниченность во времени на обдумывание предполагаемого ответа на вопрос. Это отличительные характеристики одного из типов текста – интервью. Задачей данного исследования стало изучение того, какую семантическую нагрузку может нести отрицание в этом типе текста:

«I want to be very clear, none of this money is intended for any political organizations whatsoever. Not political parties, not movements, not those organizing demonstrations, not political leaders, and I think there's been a big confusion here in

Russia about that fact. We don't do that and that's our policy and we're quite militant about that policy in drawing a line,» ... «Non-partisan, independent, non-governmental organizations that are doing things to advance civil society, to make society stronger here, to deal with a myriad of issues that civil societies all over the world deal with, whether it's environmental, ah, situations, maternal health care, human rights issues, we believe that is in our interest and Russia's interest just to have a robust civil society. Unfortunately, there is not the domestic support for those kinds of NGOs here in Russia today. And, I said unfortunately, those groups rely not just on American foundations, by the way, but on British, Swedish, German and Japanese. There are a lot of international organizations that support that kind of work here...» [16].

Настоящий пример является частью интервью от 22 марта 2012 г., данного американским послом в Российской Федерации Майклом Макфолом. Для наиболее полного понимания смысла приведенного высказывания представляется необходимым привести дополнительную информацию, а именно: в связи с чем был задан вопрос. Накануне американское правительство было обвинено российской стороной в спонсировании оппозиционных организаций. Через некоторое время данное обвинение было предано огласке и вызвало общественный резонанс среди граждан России. Интервью было дано для опровержения обвинения.

В приведенном примере представитель американского дипломатического корпуса твердо отстаивает правоту своей страны и отвергает обвинения. В данном случае содержательная сторона отрицания несет в себе тему несоответствия, то есть выдвинутые обвинения якобы не соответствуют действительному положению дел. Следует заметить, что все отрицательные конструкции выражены эксплицитно: говорящий не ставит своей целью смягчить или завуалировать какие-либо обстоятельства, он намеренно выбирает наиболее прототипические конструкции с использованием частиц *not*, *none*, *non-* и отрицательным префиксом *in-*, поскольку с их помощью высказывание звучит максимально радикально и уверенно: *none of this money*. Далее перечисляя, в какие организации не поступают деньги, посол использует параллельные конструкции, еще раз подчеркивая свою мысль: *Not political parties, not movements, not those organizing demonstrations, not political leaders*. Использование данных приемов (перечисления и параллелизма) помогает на синтаксическом уровне «высветить» идею несоответствия. В предложении «*We don't do that and that's our policy*» отрицание выполняет функцию опровержения, так как с помощью грамматического отрицания опровергает утверждение о финансировании организаций. Оно же помогает интенсифицировать идею несоответствия.

В ходе анализа было замечено, что подобные «радикальные» конструкции появляются в дипломатическом тексте только в определенных си-

туациях в силу особенностей дипломатического подстиля: во-первых, когда отрицательные конструкции относятся к действиям говорящего или стороны, которую он представляет как «свой». При этом отрицается какое-либо действие или явление, которое оценивается как «нежелательное», «плохое» и пр., таким образом, говорящий как бы выстраивает положительный образ себя: «Я не делаю плохо, значит, я «хороший» и поступаю правильно»: «We don't do that and that's our policy and we're quite militant about that policy in drawing a line».

Во-вторых, эксплицитное отрицание чего-либо появляется, когда говорящий хочет выразить идею о том, что «противоположная сторона (чужой)» не совершает какое-то действие, и это «плохо»: «Unfortunately, there is not the domestic support for those kinds of NGOs here in Russia today». В приведенном предложении отрицание выполняет оценочную функцию (которая в данном случае осуществляется наречием *unfortunately*): американская сторона в лице посла сожалеет о том, что в России не ведется финансирование неправительственных организаций, и это «плохо». Таким образом, можно прийти к выводу о том, что содержательная сторона отрицания обуславливает формальную, то есть форма высказывания (в рамках дихотомии эксплицитность/имплицитность) зависит от его прагматической нагрузки, а именно распределение участников коммуникации по категориям «свой – чужой».

Следует отметить тот факт, что во всей речи Майкла Макфола было использовано шестнадцать предложений с отрицанием. Четырнадцать из них – с эксплицитным. В высказывании насчитывается всего два случая имплицитного отрицания: «It has been surprising that there was so much anti-Americanism, because we thought we were building a different kind of relationship, and it makes some people nervous that it could so quickly and reflexively go back to - in terms of rhetoric - an era that we thought was behind us». В данном предложении затрагивается проблема, которая является камнем преткновения для обеих стран на протяжении многих лет – российско-американские отношения. Понимая это, М. Макфол на профессиональном уровне проявляет дипломатичность и использует такие лексические средства, которые максимально снижают отрицательное значение сказанного. В данном предложении снова возникает противопоставление «свой – чужой»: поскольку настоящее интервью является ответом на обвинение с российской стороны, то в некотором роде своеобразным встречным обвинением можно считать слово *anti-Americanism* (со стороны РФ), которому противопоставляется безобидное «*a different kind of relationship*» (со стороны США). В этом предложении лексема «*different*» и словосочетание «*behind us*» представляют случаи использования имплицитного отрицания. Действительно, первичной функцией слова *different* является обозначение «другого»

явления, действия и прочее. Однако за этой функцией стоит мыслительная операция соотнесения двух или нескольких объектов, в результате чего выявляется их несоответствие, что и является содержанием отрицания в данном случае. В приведенном примере употребление имплицитного отрицания является приемом применения так называемой мигитативной тактики, то есть тактики смягчения, которая способствует «сглаживанию» нежелательной информации и представлению ситуации в более выгодном для говорящего свете [10, с. 90]. Так, выражение «*a different kind of relationship*» звучит намного мягче и дипломатичнее, чем высказывание «*we don't want this kind of relationship*», и к тому же вносит неясность: М. Макфол не поясняет далее, какие именно отношения он считает предпочтительными.

С точки зрения имплицитности, предикативная часть «*behind us*» также представляет интерес, поскольку является не просто имплицитным отрицанием, но содержит в себе метафору. Выражение «*behind us*» является результатом соотнесения явлений разного рода, в ходе которого произошел перенос значения. Первичное значение высказывания – некий предмет или объект, который остался позади нас (за спиной) в физическом пространстве таким образом, что человек больше не видит этот объект или явление. Можно предположить, что причиной переноса значения послужило именно отсутствие объекта/ явления в поле зрения и, следовательно, данное выражение в своем переносном значении приобрело тему отсутствия и несуществования.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в дипломатическом тексте семантическая сторона отрицания релятивна и заключается в следующем. Эксплицитно выраженная негация используется не случайно и обусловлена семантически главным образом противопоставлением свой – чужой. В тех случаях, когда высказывание говорящего относится к категории «свой», грамматическое эксплицитное отрицание с частицей «*not*» используется для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что говорящий (либо сторона, которую он представляет), не выполняя какое-либо действие, поступает правильно, и это должно быть оценено положительно.

Также эксплицитное отрицание используется тогда, когда говорящий относит свое высказывание к категории «чужой». Это происходит в том случае, если он хочет подчеркнуть, что невыполнение противоположной стороной определенного действия носит негативный характер, и, таким образом, это «плохо».

Наряду с этим было отмечено, что при необходимости сообщить о действии/явлении, ответственность за которое несет сторона говорящего, но данное действие либо не выполнено, либо выполнено, но не отвечает ожиданиям других сторон, используется имплицитное отрицание, которое реализуется в мигитативной тактике смягчения.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. С. 45-59.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С.5-22.
3. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
4. Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М.: РГБ, 2005. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.А. Вебер . Иркутск, 2004. 216 с.
5. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Кобрин, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию. Текст / О. А. Кобрин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90-100.
6. Кубрякова Е.С. О двойной сущности языковых категорий и организации языковых категорий: Мат-лы науч. конф. 23-25 апреля 1998. М., 1998. С. 7-12.
7. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/Linguistics/lakoff-johnson-90.htm>. (1990)
8. Мانتыева Б. Когнитивно обусловленные функции отрицания // Когнитивная лингвистика : новые проблемы познания : сб. науч. тр./ под ред. Л.А. Манерко: Институт языкознания РАН: Ряз. гос.ун-т имени С.А. Есенина. М.: Рязань, 2007. Вып.5. С.172-179.
9. Падучева Е.В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 354-355.
10. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): Монография [Текст] / С.С.Тахтарова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 382 с.
11. Horn L.R. A natural history of negation. – Chicago; L.: The University of Chicago press, 1989. p. 679.
12. Givon T. Functionalism and grammar. – John Benjamins Publishing Company, 1995. p. 486.
13. Givon T. On understanding grammar. – N.Y.:Academ Press, 1979. p. 492.
14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. - London - NY, 1983. p. 250.
15. Schmidt S.J. Texttheoretische aspekte der negation II Zeitschrift fur germanische linguistik. Jg. 2. Berlin, N.Y., 1973. № 2. pp. 178 – 208.
16. <http://www.rferl.org/media/video/24525473.html>
17. <http://www.voanews.com/content/us-ambassador-to-russia-no-return-to-cold-war--143976716/179486.html>

Об авторе

Голованова Дарья Александровна – аспирант кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: darya.golovanova.00@mail.ru

THE FEATURES OF THE SEMANTICS OF NEGATION IN DIPLOMATIC TEXT

D.A. Golovanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *One of the crucial points of the article is an overview of the development of negation in linguistics which is considered to be one of the fundamental categories. The article explores the change in the paradigms of understanding negation in linguistics: from the structural approach to the cognitive one. The author presents such approaches as structuralism, the pragmatic conception and the cognitive approach. Besides, the peculiarities of functioning and the performance of the category are revealed in the article. Particular attention is paid to the cognitive approach as one of the main trends of modern linguistics. The focus on negation from the cognitive perspective allows to analyze both its functions in diplomatic text (some of them are represented in the article) and its dependence on external factors. Being a universal category, negation is reflected in all types of discourse, and the article concentrates on diplomatic discourse as the least studied one regarding its peculiarities from the linguistic perspective. On writing the particular features of negation from the perspective of cognitive linguistics, the author represents the analysis of oral diplomatic text and reveals the reciprocal conditionality of the semantic and formal aspects of negation. Also the dependence of its semantics on the opposition "my – foreigner's" is presented.*

Key words: the category of negation, modality, diplomatic text, explicit/implicit negation, the tactics of mitigation.

References

1. Boldyrev N.N., 2010 Kategorial'nyi uroven' predstavleniia znaniia v iazyke: modusnaia kategoriia otritsaniia (The categorial level of knowledge representation in language) // Kognitivnye issledovaniia iazyka (Cognitive studies of language). Vyp. VII. Tipy kategorii v iazyke: sb. nauch. tr. M.: Institut iazykoznanii RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R.Derzhavina, pp.45-49
2. Boldyrev N.N. Iazykovye kategorii kak format znaniia. (Language Categories as a Format of Knowledge) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki - Problems of cognitive linguistics, 2006. № 2. pp.5-22
3. Bondarenko V.N. Otritsanie kak logiko-grammaticheskaia kategoriia (Negation as a logico-grammatical category), M., 1983. 213 p.
4. Veber E.A. Opyt lingvisticheskogo issledovaniia kognitivnogo dissonansa v angliiskom diplomaticheskom diskurse (The experience of studies into cognitive dissonance in English diplomatic discourse) : Dis. ...kand. filol. nauk : 10.02.04. -M.: RGB, 2005. Dis. ...kand.fil.nauk: 10.02.04 [Tekst] / E.A. Veber . Irkutsk, 2004. 216 p.
5. Kobrina O.A. Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniia sub'ektivnogo otnosheniia cheloveka k vyskazyvaniu (Modal categories as means of a person's subjective attitude to the utterance). Voprosy kognitivnoi lingvistiki - Problems of cognitive linguistics, 2006. № 2, pp. 90-100.
6. Kubriakova E.S. O dvoiakoi sushchnosti iazykovykh kategorii i organizatsii iazykovykh kategorii (On double essence of language categories and organization of language categories): Trudy nauchnoi konferentsii 23-25 apreliia 1998 [Proc. Scientific Conference on 23-25 April], 1998. pp. 7-12.
7. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by], 2011. Available at: <http://kant.narod.ru/lakoff.htm> (accessed 6 October 2013).
8. Mantyeva B. Kognitivno obuslovlennnye funktsii otritsaniia (Cognitive properties of negation in English). Kognitivnaia lingvistika – Cognitive linguistics, 2007, №5, pp.172-179.
9. Paducheva E.V. Otritsanie [Negation] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedia], 1990, pp. 354-355.
10. Takhtarova S.S. Kategoriia kommunikativnogo smiagcheniia (kognitivno-diskursivnyi i etnokul'turnyi aspekty) [The category of communicative mitigation: cognitive-discourse and ethno-cultural aspects]. Volgograd: VolGU, 2009, p.382.
11. Horn, L.R. A natural history of negation. – Chicago; L.: The University of Chicago press, 1989. p. 679.
12. Givon, T. Functionalism and grammar. – John Benjamins Publishing Company, 1995. p. 486.
13. Givon, T. On understanding grammar. – N.Y.: Academ Press, 1979. p. 492.
14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. - London - NY, 1983. p. 250.
15. Schmidt S.J. Texttheoretische aspekte der negation II Zeitschrift fur germanische linguistik [Theoretical Aspects of Negation] Jg. 2. Berlin, N.Y., 1973. № 2. pp. 178-208.
16. <http://www.rferl.org/media/video/24525473.html>
17. <http://www.voanews.com/content/us-ambassador-to-russia-no-return-to-cold-war--143976716/179486.html>

About the author

Darya A. Golovanova – the graduate student of Chair of English No. 1 of MGIMO-Universiny at the MFA of Russia.
E-mail: darya.golovanova.00@mail.ru